

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

ПИСЬМА Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ

(с включением писем и приписок Герцена и Огарева),

Г.Н. ВЫРУБОВУ, ГЕРЦЕНУ, А.А. ГЕРЦЕНУ,

Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ),

МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУТ, ОГАРЕВУ, КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ,

Е.С. НЕКРАСОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Публикации И.А. Желваковой, Л.Р. Ланского, С.Д. Лищинер,
М. Мерво, И.Г. Птушкиной, Е.Л. Рудницкой и Т.Ю. Соболев

Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ) И ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация Л.Р. Ланского^{1*}

В конце 1847 г. восемнадцатилетняя Наталья Алексеевна Тучкова (1829–1913) вместе с родителями, сестрой и французенкой-гувернанткой отправилась в заграничное путешествие. Сосед по имени Огарев советовал им съехаться в Италии с Герценами; жене Герцена Наталье Александровне он настойчиво рекомендовал поближе сойтись с сестрами Тучковыми и взять их под свое покровительство. “Ты можешь иметь большое влияние на эти два очень милые существа, особенно меньшая заслуживает быть весьма развитою”, – писал Огарев¹. – “Право, стоит того, чтобы развить эту богатую натуру. Дай ей смысл к изящному, который, по данным, всего менее мог развиться”².

Меньшой была Натали.

В ее незаурядности Огарев не сомневался. И, действительно, это была ярко выраженная индивидуальность с серьезными, хотя и довольно неопределенными запросами, “энергическим”, как тогда говорили, характером, решительная, свободолюбивая, бескомпромиссная. Своими сословными привилегиями она не дорожила, пренебрегала общепризнанными условиями, готова была, подобно лучшим из декабристок, без колебаний отречься от своего древнего дворянства и пожертвовать собой во имя любимого человека или личной независимости. Она преклонялась перед возвышенной жертвенностью декабристов, их повседневным героизмом, и это наложило на ее понятия своеобразную печать.

“Геройство и преданность были моими идеалами с детства, – писала она полвека спустя. – Кроме того, что было в моей натуре, громадное влияние имели на меня рассказы отца моего о декабристах, о их мучениях, беззлостности и терпении; вдобавок, мне приходилось тогда видеть некоторых из них – и это был праздник, торжество для меня”³.

От отца-декабриста и Огарева она немало слышала о Герцене, сосланном вслед за деятелями 14 декабря на Север. Его романтическая женитьба на прекрасной кузине, тайком увезенной под венец, волновала ее воображение. Разумеется, ей и в голову не приходило, что через несколько лет она сама станет женой Герцена, матерью троих его младших детей и мачехой старших...

^{1*} Письмо 9 публикуется С.Д. Лищинер.

Французские письма (1–7) перевел Л.Р. Ланский.

Встречаться с Герценами Натали приходилось еще в детстве, во время ее ежегодных приездов с родителями в Москву. В 1842 г. Герцен навещал ее отца и, как Огарев, вероятно, любил с Тучковым “порассуждать, любил слушать его рассказы о 14-м декабря, о друзьях-декабристах”⁴. В обширной памятной записке о Н.А. Герцен, составленной для Е.С. Некрасовой (публикуется ниже), она отмечает, что Герцен в 1842 г. читал у Тучковых свои статьи и ненапечатанные главы из “Кто виноват?”. “Моему отцу очень нравилась Наталья Александровна Герцен, – добавляет она, – он познакомил нас с ней, она нас звала, просила навещать, но сама редко выезжала, потому что была очень слаба”⁵.

Таким образом, встреча с Герценами в Риме, где Тучковы разыскивали их в середине декабря 1847 г., представляла собой не новое знакомство, а продолжение прежних отношений.

Обе семьи тесно сошлись... Слово “сошлись” слабо характеризует сближение “двух Натали”. С первой же встречи их как бы сплавила воедино сверхромантическая дружба-любовь – жгучее, экстатическое чувство, преобразившее жизнь не только юной провинциалки, но и тридцатилетней матери семейства. Это чувство, по словам Н.А. Герцен, внесло в ее душу много прекрасного, возродило в ней энергию, придало новый смысл ее существованию. “Я тебя люблю, влюблена в тебя...” – повторяла она на разные лады. “Ни одна женщина не была любима так женщиной, как ты (...) В тебе, Natalie, только в тебе я нашла товарища, только такой ответ на мою любовь, как твоя, мог удовлетворить меня, оттого, что я отдаюсь с увлечением, страстно”⁶.

В Риме, Неаполе, а затем в Париже подруги были почти неразлучны... Родителей Натали не могло не тревожить чрезмерное, по их мнению, сближение младшей дочери с Натальей Александровной. Экстравагантные принципы свободы, “увлечений и страстей”, открытое презрение к “мещанским” формам поведения и морали, вероятно, приводили их в ужас. Легко себе представить, как воспринимал уездный предводитель дворянства А.А. Тучков, несмотря на все свое вольномыслие, прогулки по Парижу его юных дочерей с Н.А. Герцен в мужских костюмах. Эта “прелестная дама” (определение Тучкова)⁷, по его мнению, сбивала с толку и без того неуравновешенную и строптивую девушку. А как, должно быть, возмущали его “эпикурейские” советы Натальи Александровны в письмах к его дочерям, вроде: “Не пренебрегайте настоящим, будущего нет (...) есть только то, что *есть*”, “Живите полнее, мои милые, живите без оглядки”, “Живите, живите жизнью, а не мушиным сном. Быть мухой нехорошо”⁸, и т.п.

Свою юность, проведенную в родительском доме, Н.А. Тучкова-Огарева описала в мемуарах самым идиллическим образом. Отца, человека действительно достойного уважения и симпатии, она характеризует как исключительно благородную и обаятельную личность. С сестрой-погодкой Еленой жила она душа в душу. Их общая гувернантка Каролина Мишель, “образованная и начитанная особа”, в прошлом – собеседница юного Лермонтова, была для нее с сестрой “не только наставницею, но и другом”. К Тучковым наезжали гости; у них устраивались пикники и любительские спектакли, вносявшие разнообразие в их повседневный быт. Сестер Тучковых безмерно радовали частые посещения обаятельного и благожелательного Огарева⁹. Он дружил с обеими сестрами, но особое предпочтение оказывал Натали. “Я к ним имею какую-то родительскую нежность, т.е. к Natalie, которая славное существо”, – признавался он Герцену¹⁰. “Она даже хорошо сердится, хорошо нетерпелива. Я юнею, когда вижу и чувствую, как живо и молодо в ней возбуждает гнев какое-нибудь тупое притеснение”, – сообщает он друзьям¹¹.

Несмотря на внешнее благополучие, внутренние бури раздирали семейство Тучковых. Смерть старшей дочери Анны болезненно поразила отца и сильно сказалась на его характере. Он стал чрезмерно требователен и придирчив – особенно в отношении “приличий”, ориентируясь скорее на XVIII, чем на XIX век. В результате, юные барышни на родной дом стали смотреть как на своего рода тюрьму. Еще до отъезда соседей за границу Огарев констатировал, что Тучков “озабочен, раздосадован, печален и страдает и болен”¹². Лучше всех, пожалуй, осведомленная Н.А. Герцен в одном из своих писем из Рима (1848) сокрушенно отмечает, что сестер Тучковых “не пощадила жизнь”, что многое в них “подавлено, измято, убито”, что они “устали от ненужной борьбы”¹³...

Трагический оборот, который приняла революция 1848 г., с энтузиазмом встреченная Герценами и Тучковыми, заставила Тучковых ускорить свой отъезд на родину. Это решение главы семьи вызвало у младшей Тучковой острый приступ отчаянья, мысль о разлуке (и какой разлуке – возможно, навеки!) со страстно любимой подругой и ее несравненным супругом была невыносима; безмерно обидно было покидать и “столицу мира”, ее разностороннюю культурную и общественную жизнь. В письмах с дороги любовные признания, обращенные к Н.А. Герцен, перемежаются у Натали с сетами на свою горестную судьбу. “Порой я из-за вас проникаю такой ненавистью ко всем вселенной, что испытываю желание чинить зло всем без исключения”, – мизантропически заявляет она Н.А. Герцен в письме из Берлина (п. 2). Разумеется, это лишь фраза, “экзажерация”, а не патологическое чувство, но для умонастроений

Е.А. ТУЧКОВА (В ЗАМУЖЕСТВЕ САТИНА) И Н.А. ТУЧКОВА (В ЗАМУЖЕСТВЕ ОГАРЕВА)

Пересъемка с утраченного дагерротипа 1847 г.

Внизу подпись неизвестной рукой: "Е.А. Сатина, Н.А. Огарева до 1848 года". На обороте той же рукой: "... Фотография снята с дагерротипа от 1847 года. Обе еще не замужем"

Музей Герцена, Москва

"До осени (1848 г.) мы были окружены своими, сердились и грустили на родном языке. Т(учковы) жили в том же доме" ("Былое и думы")

Тучковой того времени она достаточно характерна. Ближайший ее confident, Огарев, заявляет в одном из писем к Герцену: "Иногда мне нельзя оспаривать ее презрение к жизни, потому что, что же, в самом деле, дает ей жизнь? Перспективу постепенно увянуть в деревне с утешительной мыслью, что мордва будет плакать на похоронах? Право, тут не за что любить жизнь. А положение почти *sans issue*^{2*} (...) Чувствую, что на бедных детей, как они возвратились в деревню, пахнуло мертвым образом и готов на всякую оппозицию в пользу их"¹⁴.

Весной-летом 1848 г. Натали почти ежедневно встречалась с И.С. Тургеневым, откровенно увлекшимся юной "дурнушкой". Вероятно, она заинтересовала его как оригинальный женский характер, недавно развившийся в русской глуши, в мире провинциальных "дворянских гнезд".

"Он приходил к нам ежедневно, иногда чтобы играть в шахматы с моим отцом, иногда исключительно для меня, с остальными дамами он только здоровался (...) – вспоминала Наталья Алексеевна в 1880-х годах. – Тургенев любил читать мне стихотворения или рассказывать планы своих будущих сочинений (...) Он написал тогда маленькую комедию "Где тонко, там и рвется", прочел ее у нас и посвятил мне (...) Я была (...) очень польщена постоянным вниманием Ивана Сергеевича ко мне, но я оставалась совершенно спокойна, и мысль полюбить его никогда мне не приходила в голову; я не кокетничала, но видела в Тургеневе особенно талантливого и оригинального человека, и мне это нравилось; бывало только иногда досадно на насмешки дам, которые меня дразнили, называя внимание Тургенева ухаживанием"¹⁵.

Хотя чувство Тургенева к Тучковой, надо думать, не имело матримониальной подоплеки, но все же оно являлось чем-то большим, нежели простое внимание. Об этом можно судить и по следующей надписи, сделанной им в августе 1848 г. на первом листке миниатюрной запис-

^{2*} безвыходное (франц.).

ной книжки: “Эта книжечка подарена мною Наталье Алексеевне Тучковой перед ее отъездом из Парижа, во-1-х, для того, чтоб она напоминала ей о человеке, который очень ее полюбил, – во-2-х, для того, чтобы она (Наталья Алексеевна) удерживалась от крепких напитков; в-3-х, наконец, для того, чтобы она не принимала никогда сильных решений – не взглянувши на эти строки и не вспомнивши наших разговоров. – А, впрочем, желаю ей здоровья, веселья, счастья и СВОБОДЫ... До свиданья”^{3*}.

Несмотря на шуточный тон, последние строки звучат довольно многозначительно. В них отблески признаний – быть может, *исповеди*.

Вступление Натали в гражданский брак с Огаревым – почти без всякой надежды на официальное оформление – не могло не поразить Тургенева и, надо думать, в какой-то мере было им творчески осмыслено в повестях 1850-х годов при создании образов так называемых “тургеневских девушек”, решительность, инициативность и готовность к самопожертвованию которых являлись чуть ли не главными компонентами их характеров.

Впоследствии отношение Тургенева к его бывшей “пассии” резко изменилось к худшему¹⁷.

Мысль о самоубийстве в конце 1840-х годов не раз возникала у Натали и ее сестры, чрезмерно драматизировавших тяжесть своего положения.

“Право, ужасно жаль этих юношей¹⁸, полных жизни и надежд, и которым, право, остается выбор один: уйти или умереть. Приезжай сюда и увези их с собой, с его согласия или без оно”, – взывал он к Н.А. Герцен. И в том же письме сообщал: “Mlle Natalie, которую я люблю черт знает как и которая составляет здесь мою единую отраду, страдает она, вот что. Почему? Да потому, что жить скверно. К Ал(ексею) Ал(ексеевичу) я теряю с каждым днем уважение в его семейных отношениях. Мелкий, тупой эгоизм (вдобавок, бесхарактерный), домашняя тирания – вот Grundton^{4*} его жизни”¹⁹.

Огарев понимал, что поведение “милого и благородного человека”²⁰, Тучкова, вовсе не было следствием “мелкого эгоизма” или самодурства, а являлось вполне законной реакцией любящего отца, на глазах которого его юная дочь открыто сближалась с немолодым по тогдашним понятиям и, главное, женатым человеком. И, действительно, положение Тучкова было в высшей степени мучительно: помимо непреодолимого стыда, его терзало сознание, что многочисленные враги, не прощавшие ему ни его либеральных взглядов, ни гуманного отношения к крестьянам, не простят ему и “прегрешений” дочери. И вскоре же это в полной мере оправдалось. В секретном донесении родственника Огарева по жене, пензенского губернатора А.А. Панчулидзева, направленном министру внутренних дел, не только клеймились “вольнодумие и безнравственность” Тучкова, его “неуважение к религии”, “наклонность критиковать и оуждаться все, что существует в России несходного с заграничными обычаями”, но и вмешательство “в дела общественных казенных крестьян”, старание “восстановить их против их начальников”. Ему вменялись в вину, наряду с пребыванием “в Париже на баррикадах”, и “непозволительные отношения” Огарева с младшей Тучковой. Как известно, и Тучков и Огарев в результате были арестованы и отправлены в Петербург, где подверглись пристрастным допросам в III Отделении, а затем Тучков был отрешен от должности предводителя дворянства. Нельзя не отметить, что в это опасное и тревожное время, несмотря на свою молодость, Натали Тучкова проявила себя как исключительно смелый, находчивый и принципиальный человек. Она спасла Огарева от очень крупных бед – возможно, даже от гибели²¹.

Все публикуемые письма, за исключением 8-го и 9-го, написаны по-французски, бисерным почерком, на прозрачной бумаге 1840-х годов; они печатаются здесь только в русском переводе. Переписка на “чужом” языке в то время еще не являлась анахронизмом: по-французски переписывались между собой и родители Натали, и она с сестрой и даже с Огаревым. “Я знаю лучше по-французски, – объясняла она впоследствии Е.С. Некрасовой, – и потому-то Огар(ев) и писал так”²². В 1850-х годах языком общения Огарева и Натали окончательно стал русский.

Письма печатаются впервые в переводе по автографам РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97, л. 1–4 и ед. хр. 123, л. 1–7 об. и 20–20об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Лит. наследство”, т. 61, с. 760–761.

² Там же, с. 770.

³ РГБ, ф. 196, 18.24, л. 31.

^{3*} Надпись Тургенева, остававшаяся более ста лет неопубликованной, напечатана автором статьи в 1964 г. в одном из тургеневских томов “Лит. наследства”¹⁶.

^{4*} основной тон (нем.).

⁴ Тучкова-Огарева, 22.

⁵ См. ниже мой обзор "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой". Самому Герцену Нат.Ал. писала в середине 1860-х годов: «Мы жили на Трубе в Терском доме – уж m-lle Michel была с нами; помню, как теперь, папа жил наверху, у него болело ухо, и ты приезжал читать ему "Кто виноват?" (...) папа много нам о тебе рассказывал, и мы обе считали тебя чем-то особенным, как Огарева (...) Ах, Герцен, если б тогда кто-нибудь мне шепнул: вот отец твоих (будущих) детей – как странно и страшно это...» (РП IV, 292).

⁶ РП I, 251, 258, 267.

⁷ Там же, 242.

⁸ Там же, 242–248.

⁹ Тучкова-Огарева, 53.

¹⁰ "Лит. наследство", т. 61, с. 776.

¹¹ Там же, с. 744.

¹² Там же, с. 776.

¹³ См. это письмо в кн. 1-й наст. тома.

¹⁴ "Лит. наследство", т. 73, кн. 1, с. 362.

¹⁵ Тучкова-Огарева, 280–283.

¹⁶ Опубликовано в "Лит. наследство", т. 73, кн. 1, с. 362.

¹⁷ См. в письме Тургенева к П.В. Анненкову от 27 декабря 1875 г., написанном в связи с самоубийством Лизы Герцен – "умного, злого и исковерканного ребенка": "Да и как ей было быть иной, происходя от такой матери!" (Тургенев. Письма, XI, 178).

¹⁸ "Юношами" Огарев называет сестер Тучковых.

¹⁹ "Лит. наследство", т. 61, с. 780–781.

²⁰ Там же, с. 778.

²¹ Тучкова-Огарева, 75–96.

²² См. ниже цитату из письма Нат.Ал. к Т.П. Пассек (в обзоре Т.Ю. С о б о л ь).

1

Перевод с французского:

(Берлин. 17/5 августа 1848 г.)¹

Вы хорошо сделали, написав нам², ничего другого сказать вам не могу; отчего ж не испытываю я желания писать вам? – понятия не имею, ибо говорить рассудительно – для меня вещь невозможная. Моя твердость, моя смелость, мое достоинство – все это напускное. Рискую оскорбить общество, я плачу, словно дитя: у меня уже нет ни сил, ни воли таиться. Я сержусь потому, что вы для меня – всё; скрывать этого не могу. – Почему говорите вы нам о будущем? – разве не повторяла я вам тысячу раз, что, несмотря на все былые огорчения, лучшее время нашей жизни – время, проведенное вместе с вами.

Неужели все это правда и мне не следует с вами видаться? кто принял это решение, кто посмел??? отчего остаетесь вы во Франции, отчего еду я в Россию?

Простите, что говорю с вами столь бессвязно, но я либо ужасно постарела, либо впала в детство – в моих мыслях нет ни малейшей последовательности. Знаю лишь одно: всего восемь дней прошло с тех пор, как захлопнулась эта тяжелая дверь, оставив позади себя столь страстную привязанность, отвагу, надежду. Скажите Тургеневу, что он сильно ошибается, веря в одни лишь физические недомогания; скажите ему, что и в нравственной сфере существуют болезненные тики, сокращающие ночь, но придающие дню бесконечную протяженность и тяжесть, словно во время грозы.

Возможно, нам здесь придется оставаться еще двенадцать дней, поскольку русские пароходы отходят лишь раз в две недели. Когда папá сообщил мне эту грустную новость, я не могла удержаться от слов: "Возможно ли оставаться двенадцать дней в Берлине, если Герцены в Париже? Я за себя ручаться не могу". Папá залился смехом, но, кажется, я его огорчила; как же мне научиться придерживать язык, когда речь идет о вас, милые друзья? Особенно огорчает меня то, что вы нам не сообщаете никаких подробностей о своем здоровье; ведь вы были так больны, так подавлены в последний день!³

Чувствую, что буду вам часто писать; должна ли я умолять вас поступать подобным же образом? но нет, я в вас верю, и вы меня слишком хорошо знаете, чтобы навсегда покинуть в том упадке духа, в каком я нахожусь. И вы, и вы тоже, несравнен-

ный мой друг⁴, ведь вы предоставили мне право так называть вас; напишите и вы мне хоть несколько слов; ваши письма вдохнут в меня мужество, ибо я преисполнена неподдельной грусти; не перестаю думать о нашем отъезде, но когда увижусь с вами снова, – не знаю.

Прощайте, жму вам руку; ужели это в последний раз?

Скажите Тургеневу, если можно, что восемь дней уже прошло⁵.

Г-жа Гервег изъявляет желание, чтобы я ей написала? но этого я не сделаю – видите ли, я слишком глупа, чтобы быть любезной.

Всем от меня привет, за исключением Сазонова; в память обо мне лишите его, ради бога, шампанского⁶.

Что до вас, моя звездочка, то сил у меня для этого не хватает, так научите же меня, как действовать, чтобы снова увидиться с вами.

М-ль Корш часто смеется, видя, какие измышляю я средства для возвращения к вам.

Зеленый бумажничек порой оказывает на меня хорошее воздействие – помните ли, в Риме... Вы сохранили в себе нечто, влияющее на меня очень сильно...

На обороте:

Госпоже

Госпоже Герцен

¹ Семья Тучковых выехала из Парижа 9 августа н.ст. Упоминанием о том, что со времени их отъезда прошло восемь дней, устанавливается дата письма.

² Это письмо Герценов неизвестно. Не исключено, что здесь подразумевается письмо Н.А. Герцен к сестрам Тучковым, ошибочно датированное в "Русских пропилеях" весной 1848 г. В нем она писала: "Как бы хотелось хоть взглянуть на вас, хоть дотронуться до вас, – нельзя! И скоро ль будет можно? (...) Отняли тебя у меня, моя Тата!.. Будь тем, чем ты можешь быть..." Далее следует обращение к Елене Тучковой: "И ты, мой милый паж, не унывай, мне так отрадно думать, что вам будет хорошо, я так крепко в это верю!" (РП I, 246).

³ В "Былом и думах" подробно описана ночь перед отъездом Тучковых из Парижа и их проводы (X, 229–231). "День нашей разлуки как-то особо каркнул вороном в моей жизни", – отмечал там Герцен. Тучкова впоследствии вспоминала: «Мы должны были выехать из Парижа очень рано, прямо в Берлин; все решили не ложиться спать, а провести вместе последнюю ночь, роковую для меня, потому что я не видала более Натальи Александровны. (И.С.) Тургенев, как более избалованный и более нежный, пришел нарочно проститься и рано ушел домой. Провожали нас, кроме Герценов, Гервеги, Павел Васильевич Анненков и Никитой Ивановичем Сазонов в особенности. Глядя на Наталью Александровну, трудно было надеяться на очень отдаленное будущее; она сама говорила: "Я чувствую, что не доживу до старости" (...) Как теперь, вижу бледное лицо Натальи Александровны, опирающейся на руку сияющего здоровьем Александра Ивановича, и все исчезает» (Тучкова-Огарева, 68).

⁴ Начиная с этого места до конца абзаца – обращение к Герцену.

⁵ Со времени отъезда Тучковых из Парижа прошло восемь дней. По-французски huit jours (восемь дней) – синоним слова неделя (semaine). Вероятно, Тургенев шутливо уверял Нат.Ал., что она его через какую-нибудь неделю совсем забудет. В ответном письме (без даты) Н.А. Герцен следующим образом откликнулась на это место: "Я передала Тур(г)еневу все, что ты велела, он велел тебе сказать, что замечание твое о восьми днях он принимает за любезность. Для меня этот человек получил новый интерес с тех пор, как ты с ним сблизилась, я любила его видеть после твоего отъезда, он мне напоминал тебя, у меня даже было влечение поговорить с ним о тебе, но он так вяло и томно смотрит и отвечает, что я опять ухожу в себя, даже ухожу в свою комнату. Он для меня, как книга; рассказывает – интересно, но как дело дойдет до души – ни привету, ни ответу, прежде это мне было все равно, а теперь иногда бывает больно, оттого что как будто есть точка, где мы расходимся с тобой, может, это пройдет, (его) здоровье лучше, на днях собирается веселиться в деревне" (XXIII, 103). В конце 1849 г. она писала: "Тур(г)енев тебе кланяется, он у нас всякой день, мы с ним познакомились больше, я привыкла к нему, талант его развивается все более и более. Он тебя помнит и любит, комедия его скоро будет напечатана" (РП I, 257; РП IV, 258 и 260, 262, 267–268).

⁶ Н.М. Сазонов, как известно, был большим любителем покутить. "Мужчины выпили много шампанского в эту прощальную ночь", – вспоминала Нат.Ал. много лет спустя (Тучкова-Огарева, 68).

2

Перевод с французского:

(Берлин. Конец августа н.ст. 1848 г.)¹

Перед отплытием я испытываю потребность сказать вам несколько слов, но прежде всего заставьте меня поверить в будущее. Если бы вы меня теперь увидели, то – очень боюсь – прѣниклись бы презрением к моей злополучной личности, ибо я перед собой поставила задачу, явно превышающую мои силы; и вот я, как все слабые люди, начинаю выражать сожаление, плакать; да, я себя презираю – ни осуществить свою волю, ни перенести следствия своего решения я не смогла. Вот какие страшные слова произнесла я: “Не хочу того, что хочу”⁵. Знаете ли вы, что Тургенев прав: сама по себе я ничего не значу; живя близ вас, я далека была от ожесточения, я даже испытывала противоположное чувство; теперь же признаюсь, что свою силу, свою твердость, свою волю – все это черпала я в привязанности к вам²...

Вы знаете, что я говорю это не для того, чтобы доставить вам удовольствие, и прежде всего потому, что искусство это мне незнакомо; к тому же я не знаю, насколько лестна для вас моя привязанность; разве вы искали ее, желали? нет, она возникла сама собой, никто из нас о ней не догадывался; это вполне естественно. Что до меня, то, встретив вас в Риме, я поняла, что *нашла* вас и в то же время не нашла; да и в самом деле, какой инстинкт принуждал меня так лхнуть к вам? а вы... помните ли вы исписанный листок, и теперь еще читаемый и перечитываемый с такою любовью и грустью?³... да, ваша привязанность ко мне изменила форму⁴, но, не правда ли, в ней навсегда осталось нечто схожее с тем, что было в этом письме? Скажите же мне это; если бы вы только знали, что вы для меня, то вы не сказали бы мне того, о чем я вас прошу!.. Как правы вы были, сравнивая друга с *«1 нрзб.»*; живя в Париже, я привыкла к душевному спокойствию, я не постигала порой, отчего действую вопреки всему тому, что приобретается независимостью.

Знаете ли вы: мне страшно и подумать, что г. Герцен, быть может, прочтет это письмо; вам известно, что я отношу его к числу своих друзей и ничего не хотела бы от него скрывать, но в то же время боюсь, как бы не стал он насмехаться над моей грустью, как бы не назвал ее чем-то романтическим, как назвал уже бедные мои звездочки⁵, – но из этого следует, что надобно быть самим собой – *schmutzig und allein*⁶, как я, например, чтобы не смешить Анненкова.

Не знаю, что писать вам, мне столько хотелось бы вам рассказать, но все же для меня лучше молчание; порой я из-за вас проникаюсь такой ненавистью ко всей вселенной, что испытываю желание чинить зло всем без исключения; мне кажется, будто вся вселенная виновна в том, что я в Берлине, тогда как вы все еще в Париже. Получив ваше письмо, я испытала полнейшее счастье, но немного погода пришла в ужас от того, что читаю письмо, прибывшее из такой дали, что от вас уже мне ждать больше нечего, кроме того, что вы сообщаете мне в своих письмах; но ведь это ужасно! а г. Герцен, который говорил мне из одного лишь желания успокоить меня, что мы вскоре, через год, увидимся! Это утешение я приняла за выражение иронии, но ведь он-то высказывался простодушно; это *вскоре* было бы только с точки зрения вечности, однако, признаюсь вам, быть может, это только молодость, которая внутри меня по временам возрождается, но я нетерпелива в своих сердечных привязанностях, мне становится несколько легче оттого, что во мне иногда возникают безумные надежды на встречу с вами.

Теперь я насмешу вас: скажите, должна ли я называть вас “г-жа Герцен” – это так холодно, что перо мое отказывается подобным образом обозначать вас на бумаге; это мелочь, но простите за нее⁶, как и за все другое, а то я вскоре совсем впаду в детство.

Пожмите руку своему мужу, но только посильнее; скажите ему, что я не знала,

⁵* В автографе последние пять слов написаны по-русски. – ЛЛ.

⁶* грязным и одиноким (*нем.*).

долго ли продлится его привязанность к нам, но если она и останется такой, какой была, когда мы уезжали, то я от всей души принимаю ее и буду выплачивать ему за нее соответствующие проценты. Передайте также Тургеневу много добрых пожеланий; о, как я рада была бы услышать, что вы лучше постигли себя самое.

Не знаю, как мне закончить свое письмо, это ребячество, но не хочу говорить вам “прощайте”, предпочитая крепко расцеловать вас и прокричать вам “до свиданья”. С какой же стати, однако, отняли у меня мою *Консуэлу*!..

В память обо мне играйте иногда сонату и мелкие пьески⁷, ведь они – Париж, когда вы в нем.

Все вечера мы проводим с Бакуниным, он мне отчасти нравится, папá его сильно любит; что же касается его самого, то он совсем не любит *подругу* г-жи Герцен⁸.

Поцелуйте за меня Сашу, скажите ему, что он мне доставит удовольствие, если напишет старой своей подруге, ибо она от всей души его любит.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герценов. Дата устанавливается по содержанию. Ср. *Пассек II*, 525–526.

² “Как я чувствую, что тебя нет *возле* меня, – писала Н.А. Герцен Тучковой в сентябре 1848 г. – Но так же ясно чувствую, что ты есть. Насколько полнее, звонче стала моя жизнь с тех пор, как она слилась с твоею, ты стала одна из самых необходимых ее струн. Многоцветна, ты знаешь, моя жизнь, ну и ты в ней блистешь яркой, одной из самых ярких струек” (XXIII, 103).

³ Нат. Ал., вероятно, имеет в виду письмо Н.А. Герцен без даты, представляющее собой одновременно и любовное признание, и моральный кодекс, и программу самовоспитания: “Встреча с тобой внесла столько прекрасного в мою душу, сделала меня настолько лучше (...) – писала она. – Твое явление, чувство, возбужденное тобою во мне, дало мне много наслаждения, часто, среди самого смутного состояния, тяжелого – воспоминание о тебе успокаивает, возвращает силы, и я с новой энергией принимаю жить (...) Я хотела бы тебе дать самое себя, какая бездна жизни (...) Да какое ты имеешь право, из-за того, что окружающие тебя не удовлетворяют, бросать себя под ноги им...” (РП I, 243–244).

⁴ Н.А. Герцен недоуменно осведомлялась у Натали в ответном письме: “О какой перемене форм говоришь ты, я этого не замечаю, да, может, формы переменялись, да это естественно, все имеет время экзальтации и время разумного сознания. Самая встреча наша – залог бесконечной симпатии нашей, бесконечной настолько, насколько бесконечна наша жизнь” (РП I, 247).

⁵ Н.А. Герцен и Нат. Ал. “выделили” для себя в небе три звездочки, условившись считать их “своими”, чтобы в дальнейшем, в разлуке, глядя на них, вспоминать друг о друге. См. об этом подробнее ниже, в моем обзоре “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой”.

⁶ Н.А. Герцен на эти строки отозвалась так: “Зови меня на словах так, как бы ты звала меня в душе” (XXIII, 104).

⁷ В сентябрьском письме Н.А. Герцен сообщала: “Да, Natalie, я часто играю, и мне это заменяет отчасти разговор с тобою. – Мы скоро будем вместе! я это предчувствую” (там же, 103).

⁸ Бакунин сильно недолго любил Тучкову, и это чувство сохранялось в нем до конца его жизни. Впрочем, в день приезда Тучковых в Берлин он пришел “любезно и развязно” с ними познакомиться и много их расспрашивал о друзьях, оставшихся в Париже (*Тучкова-Огарева*, 68–69).

3

Перевод с французского:

(С.-Петербург. Середина августа ст.ст. 1848 г.)¹

Вот мы уже накануне отъезда из Петербурга, а я так и не смогла избавиться от привычного желания поболтать с вами; мне хотелось бы сильно-сильно пожать вам руку – и потом взглянуть на вас, хотя бы мимоходом, – ведь часто мы и не нуждались в большем, чтобы понять друг друга.

Как плохо самого себя знаешь и какое огромное значение каждой связи придает разлука; сколько сердечных наслаждений улетучивалось у меня в ту пору, когда я была с вами, и как мне их теперь недостает! – Знаете ли, разлука эта для меня – истинная бездна, но, несмотря на то, я не совсем еще утратила надежду и все же чувствую себя совершенно одинокой – что-то леденит меня, когда я разговариваю со всеми этими людьми, которые для меня ничто и для которых я ничто. Я стала придирчивой и требовательной в своих привязанностях; вы, я знаю, приметесь ворчать на меня, – это из любви к вам я поневоле стала нетерпимой; чтобы любить кого-нибудь, мне надобно иметь с ним много общего; вот почему я встречала так мало симпатии с тех пор, как мы расстались...

ГЕРЦЕН

Дагерротип. (Париж), 1847
Исторический музей, Москва

Буду говорить вам только о вас и о себе, ибо другие пишут вам вещи поинтереснее. Из деревни напишу вам письма, более подробные, писать вам буду часто, чувствую это, — но и вы пишете мне иногда, мой милый, мой несравненный друг; называть вас так мне не хотелось бы, ибо выражение это уже опошлено и профанировано. Вчера я получила ваше письмо, милые друзья, вы мне им сделали много добра, я испытывала настоящую потребность узнать, что вы там поделываете; всегда, всегда о вас думаю, бываю довольна лишь тогда, когда вижу любящих вас людей, тогда я сразу же знакомлюсь с ними, — так, мы дважды виделись с г. Кавелиным, и нам с ним уже очень хорошо вместе; скажите вашему мужу, что я рада была видеть, как горячо его любит этот человек. Видела я и вашего брата², он кажется очень робким, но, заметив, как я люблю вас, он почувствовал себя гораздо уверенней.

Поручите, ради Бога, доставить Тургеневу следующие известия: если он вскоре же не возвратится, то окажется здесь, как говорят, на дурном счету; и потом, по уверению

г-жи Пан(аевой)³, ей от его брата известно, что мать намерена лишить его наследства в пользу какого-то дальнего родственника⁴, — так, чтобы брат не мог ему помогать.

Рукой Е.А. Тучковой (также по-французски):

Спешу сказать вам несколько слов, милый и несравненный друг; человек, взявший на себя доставку нашего письма, уже пришел; у меня остается время лишь на то, чтобы сказать вам спасибо, спасибо за то, что вы пробудили во мне ощущение блаженства; я не слишком хорошо знаю, как описать вам, что испытываю; я как бы освобождаюсь от какого-то тяжелого груза; в эти минуты я чувствую себя совсем здоровой, а между тем задыхаюсь; мне хотелось бы плакать, но слезы эти сладки; знаете ли вы, что с тех пор, как я вас покинула, мною по-настоящему понято, что вы — единственный человек, который меня любит и в котором не сомневаюсь; случилось это со мной впервые в жизни, поэтому вы поймете, что я должна испытывать, уверившись, что есть на свете некто, питающий ко мне неподдельную и горячую симпатию; заверяю вас, что убежденность в этом даст мне силу жить. — Бога ради, когда будете писать мне, расскажите мне о Тате; сообщите мне подробности об этом милом ребенке; очень надеюсь вновь увидиться с нею и очень прошу прислать мне ее портрет. Вы не представляете себе, сколько утешения принес бы он мне в яхонтовской тюрьме⁵. — Поцелуйте, прошу вас, Сашу и Тату; скажите, прошу вас, первому из них, что я надеюсь, что он как-нибудь нам напишет; мы, разумеется, будем ждать от него письма. — Отправить это наше письмо берется управляющий моего дяди; он ждет, мне приходится с вами распрощаться. — Сегодня ваши именины, от всей души поздравляю вас и страшно сожалею, что мы не вместе с вами; отчего же мы так далеко, так далеко, почему разделяют нас моря! О, это ужасно! это несправедливо! нам следовало бы быть вместе. Тысячу раз поблагодарите Александра Ивановича за добрые слова, прибавленные им к вашему письму; мы очень счастливы, видя, что он нас не забывает; сердечно жму ему руку⁶. — Должна вам сказать: в Париже нас так избаловали, что все здесь считают нас поврежденными, а мы, наоборот, считаем поврежденными всех других. М-ль Мишель торжествует и говорит всем: "Вот именно то, что я говорила об этом: надобно любить свет и наслаждаться жизнью"⁷. Папá пожурил меня за то, что я написала ей о своей боязни во многом походить на нее. Итак, из всего заключаю, что мы сможем жить только с вами. — Прощайте.

От души целую вас, и — если б только мы могли сейчас вновь увидиться с вами, — мы просто умерли бы...

Рукой Н.А. Тучковой:

Письмо это отправляется с верной оказией до Травемюнде... Прощайте. Сердечно целую вас, равно и милых детей.

Скажите г. Герцену, что я от всей души благодарю его за добрые слова; я хорошо его поняла; что же до того, что я могу его забыть, то по временам мне этого очень хотелось бы, ибо иногда я сильно страдаю, а люди, которые могли б это понять, ревнивейшим образом относятся к моим продолжительным припадкам тоски, (3 нрзб.) интересам.

Как много сделали вы мне добра, (переслав мне) свое письмо из Рима⁸. Это ошибка (неск. нрзб.).

Передайте мои дружеские чувства Тургеневу, скажите ему (1 нрзб.), что отнюдь не стремление видеть его заставляет меня сообщать эти дурные вести, — напротив, я хотела бы, чтоб он долго оставался в замке⁹; скажите ему также, что я с нетерпением ожидаю его комедии¹⁰. С его стороны было бы очень дурно забыть о своем обещании.

Часто смотрю я на свое кольцо и думаю, что никогда не отправлю ему его листочек, ибо, когда я получу эту возможность (1 нрзб.), то буду уже с вами. К(авелин) мне также написал, что он испытывал восхищение перед двумя (1 нрзб.)¹¹.

¹ Ответ на письмо Н.А. Герцен с припиской Герцена, условно датированное в 30-томном Собрании сочинений сентябрем, но, по-видимому, относящееся к несколько более раннему времени.

² Брат – Петр Александрович Захарьин.

³ Авдотья Яковлевна Паничева.

⁴ Мать Тургенева – Варвара Петровна; брат – Сергей Сергеевич. Своего намерения лишить Тургенева наследства Варвара Петровна не осуществила.

⁵ Яхонтово (Долгоруково) – пензенское имение Тучковых.

⁶ В краткой приписке Герцен просил: "Дайте вашу руку, помните меня, я это заслужил большой симпатией (к вам)..." (XXIII, 104). На эти слова откликается Тучкова.

⁷ В архиве Огарева сохранилось несколько писем Каролины Мишель к сестрам Тучковым. В одном из них, от 20 октября 1849 г., находятся следующие строки по-французски: "И не говорите, мои милые, что вам нечего делать: кто знает, какую задачу будущее предназначит каждой из вас?" (РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 247, л. 1об. – 2). – См. выше приписку Е.А. Тучковой к письму сестры, обращенному к Герценом.

⁸ Н.А. Герцен в своем письме, по-видимому, также упоминает об этой записке: "Да, читай мою записочку, писанную в Риме, и знай, что то, что сказано в ней, я говорю тебе теперь, скажу то же в последнюю минуту моей жизни" (XXIII, 103).

⁹ В замке, т.е. в имении Полины Виардо – Куртавнелль, где нередко бывал и жил Тургенев.

¹⁰ Комедия "Где тонко, там и рвется", напечатанная с посвящением Н.А. Тучковой в "Современнике", 1849, № 11 (в дальнейших изданиях посвящение это не воспроизводилось). Тургенев обещал прислать ей отдельный оттиск, но выполнил ли он это обещание, не установлено. Позднее, прочитав комедию в "Современнике", Огарев писал Нат.Ал.: "Тут столько наблюдательности, таланта и грации, что я убежден в будущем этого человека. Он создаст что-нибудь важное для Руси. А потом он вас любит..." (РП IV, 73). Отмечу явное психологическое сходство 19-летней героини пьесы Веры с Нат. Ал.

¹¹ Это письмо К.Д. Кавелина остается неизвестным.

4

Перевод с французского:

(Москва. 26 августа / 7 сентября 1848 г.)¹

Жду ваших писем, чтоб ответить подлиннее, милые друзья; вот уже неделя, как мы в Москве, а послезавтра уезжаем в деревню. Огарев уже там; он с большим нетерпением зовет нас в печальные степи²; что до него, то уверяют, будто в декабре месяце он наверняка сюда возвратится³; как видите, его присутствием мы будем наслаждаться недолго, но что поделаешь, на отдельную личность никогда полагаться не следует; мы проживем пока он будет там, а потом... ведь жизнь предлагает столько средств, столько ресурсов...⁴

Сегодня я была с Еленой у м-ль Корш, там встретила я знаменитую Ю(лию) К(арловну)⁵; ваше замечание нашла я совершенно справедливым в отношении глаз жены⁶; впрочем, она, должно быть, сильно подурнела. Видела я и г-жу Астракову; она вас очень любит; мне это было чрезвычайно приятно, но ни доброты к вам ваших друзей, ни их привязанность к вам – ничто не может мне облегчить эту злополучную разлуку; тщетно вглядываюсь я в этих добрых и умных людей – несмотря на все, я всегда одна, ибо только и думаю, что о вашем отсутствии⁷. Вы говорите мне, что предчувствуете наше соединение⁸, пусть так, но признаюсь вам: веры в будущее я не питаю; я убеждена, что жить и страдать мне придется страшно далеко от вас. Однако раз я уже сюда забралась, то с радостью отправлюсь в деревню; все же избавиться от страха я не могу, ибо отъезд этот означает еще большее удаление от вас.

Прощайте, как это грустно, если бы вы только знали, сердце поминутно сжимается, слез выступает столько, что я с невольным уважением думаю о тех, кто достаточно тверд, чтобы не плакать.

От всей души целую вас, милый, добрый друг, и детей тоже; а вам, милый мой Герцен, вам я жму руку так же, как при отъезде.

Всецело ваша Н а т а л и

Когда захотите писать мне одной или же Е(лене) одной, то вложите это письмо в письмо к Огареву.

Сердце мое говорит мне, что Анненков не везет с собой портреты детей⁹, это плохо для всех, моя Консуэла.

Письма мои очень похожи одно на другое; в них всегда одно и то же, изменить их можете только вы, объявив нам вы знаете что. Мы вдвоем написали Александру

Ивановичу¹⁰. Стыжусь наших писем, ибо интересовать его, как вас, это не может.

Г-н и г-жа Корши обращались с нами, как ваши друзья; всем известно, что все они очень вас любят

Рукой Е.А. Тучковой (также по-французски):

Все дальше, все дальше от вас, милый, несравненный друг, это поистине ужасно. Не смею без трепета думать о тысячах верст, которые разделяют нас. Мы в Москве; вот уж неделя, как мы видели г-жу Астракову; она была к нам исключительно добра, она даже побывала у нас, без всяких церемоний, как вы нам ее рекомендовали; вообще, все ваши друзья проявляют большую благожелательность к нам; мы очень близко познакомились с Кавелиным, это человек, с которым очень легко говорить, не правда ли? Я разговариваю с вами, ведя в то же время беседу с тетушкой¹¹, а между тем мне хотелось бы беседовать с вами, когда голова посвежее, чем теперь. Что сказать вам, милый друг? нам нанесен смертельный удар, ибо Огарев в декабре месяце покидает деревню, – подумать только, мы вас оставили ради него – и вдруг его не видеть больше... С чем же сравнить наше положение – оно хуже смерти. Мы будем томиться в вечной агонии и призывать к себе омерзительную смерть, которая для нас – единственное спасение! Вчера получили мы письма от Огарева, он в деревне и торопит нас приехать, присоединиться к нему¹², – после свидания с ним я напишу вам, как прошла наша встреча – быть может, он позабыл своих старых друзей – я ничего так не боюсь, как этого. Приедем мы на два месяца, а потом уснем, да, уснем вечным сном. Я говорю Натали: “Не падай духом, возьмемся за руки”.

... Руку, руку г. Герцену. Скажите ему, что мы видели Юлью Карловну, но ведь она вовсе не хорошенькая. Я с ней любезничала ради Алекс(андра) Иван(овича).

¹ Дата устанавливается по указанию в письме, что Тучковы уже неделю как находятся в Москве.

² Это письмо Огарева неизвестно.

³ Огарев приехал в Москву несколько позднее.

⁴ На эту ироническую фразу Н.А. Герцен отозвалась так: “Нехорошо! Нехорошо, потому что я чувствую, что, во-первых, ресурс должен быть в себе, а потом в жизни, во всем, да, это повторение, но я дурного не могу сказать...” (РП I, 249).

⁵ Юлия Карловна – Рашинова (Ашинова), сестра жены Е.Ф. Корша, рожденная Рейссиг. По-видимому, Герцен охарактеризовал ее как очень хорошенькую женщину, чем заинтриговал сестер Тучковых.

⁶ То есть жены Корша – Софьи Карловны, тоже красивой женщины.

⁷ Вероятно, Натали рассчитывала на призыв, подобный которому получила 17 октября от Натальи Александровны: “Друзья мои, да зачем же вас нет со мной, мой милой паж, и ты, моя Consuela, приезжайте ко мне, приезжайте домой!” (РП I, 251).

⁸ Письмо до нас не дошло.

⁹ Речь идет, вероятно, о портрете Герцена работы А.-Л. Ноэля и литографированных портретах Прудона, Распайя и других французских революционных деятелей 1848 г. 17 октября Н.А. Герцен сообщила: “Ан(ненков) давно уехал, он не привезет вам портретов, а привезет вам их Селиванов” (РП I, 250). Селиванов уехал из Парижа 9 ноября (см. ЛЖГ I, 470).

¹⁰ Вероятно, имеется в виду приглашение приехать или съехаться в другом месте.

¹¹ Тетушка – по-видимому, Мария Алексеевна Тучкова.

¹² Эти письма неизвестны.

5

Перевод с французского:

(Яхонтово. Середина октября (?) н.ст. 1848 г.)¹

Мне хотелось и не хотелось писать вам, моя Консуэла: видите ли, писать вам – до ужаса грустно; почему не должна я вас видеть? почему я здесь? почему все обстоит именно так, а не как мне хотелось бы? Моим почему конца нет, и по этой-то причине останавливаюсь. Скажите мне, что вы делаете, куда поедете? хочу знать все, что вас касается; пишите же мне иногда, ибо ваши письма порой приводят меня в отчаянье, но вслед за тем они меня ободряют, дают силы переносить жизнь такой, какова она на самом деле, ожидать того счастливого дня, когда я увижу вас снова. Ожидание же ужасно, извините мое нетерпение, извините меня за то, что я люблю

вас именно так, как люблю; знаю, что можно любить самоотверженно; иногда я чувствую себя счастливой от того, что мне известно, где вы, но чаще всего возмутительный эгоизм заставляет меня желать обраться там, где обретаетесь вы, или видеть вас там, где обретаюсь я. Заниматься-то я занимаюсь, но получается все это хуже, чем мне хотелось бы. Я еще слишком люблю людей, чтобы всецело предаваться учению. В общем, я стала хуже со времени нашей разлуки; во глубине души я порицаю обстоятельства и холодно уступаю людям. Они, видимо, принимают все так близко к сердцу, что им приходится уступать; и, к тому же, я чувствую себя неуязвимой; окружающие сделать мне ничего не могут — ни в хорошем, ни в дурном смысле. Я чувствую себя страшно одинокой и страшно холодной; то, что интересует меня, делается наихудшим образом. — К чему же тогда жизнь, если приходится встречать одно лишь противодействие, страдать со всем, что нам дорого. Я лично чувствую, что живу лишь тогда, когда беседую с О(гаревым); тогда я высказываюсь обо всем, что люблю, и вижу, что меня отлично понимают. Если же он не смел (?), то лишь по той причине, что это измышленная людьми фраза (?). Совсем недавно он передал письмо, написанное вами нам троим², — при чтении этого письма мне все время приходила на ум одна и та же мысль: как это видеть только ее почерк, а не видеть ее самою? В субботу при встрече с О(гаревым) пила я шампанское. Если пожелание это не исполнится, то, действительно, в мире нет ничего, кроме фатума, но что же тогда резиньяция, где искать ее, как подчиниться, как принять то, что неприемлемо? Прощайте, я должна покинуть вас, а между тем мне вам надобно сказать еще так много, но говорить — не то, что писать. Мне вас хотелось бы расцеловать тысячу раз, но... Поцелуйте от меня Сашу и пожмите руку г. Герцену, напоминайте ему обо мне: я знаю, что он меня забудет раньше, чем вы, но не сержусь на него за это; ведь в том, что я вас люблю, никакой заслуги нет.

Н а т а л и

На обороте:

Госпоже Герцен

¹ Условная датировка основывается на том, что письмо написано, вероятно, еще до получения следующего письма Н.А. Герцен (от 17 октября), т.к. Тучкова осведомляется о подробностях жизни Герценов.

² Это письмо Герценов неизвестно. "Нам троим" — т.е. Натали, Елене и Огареву.

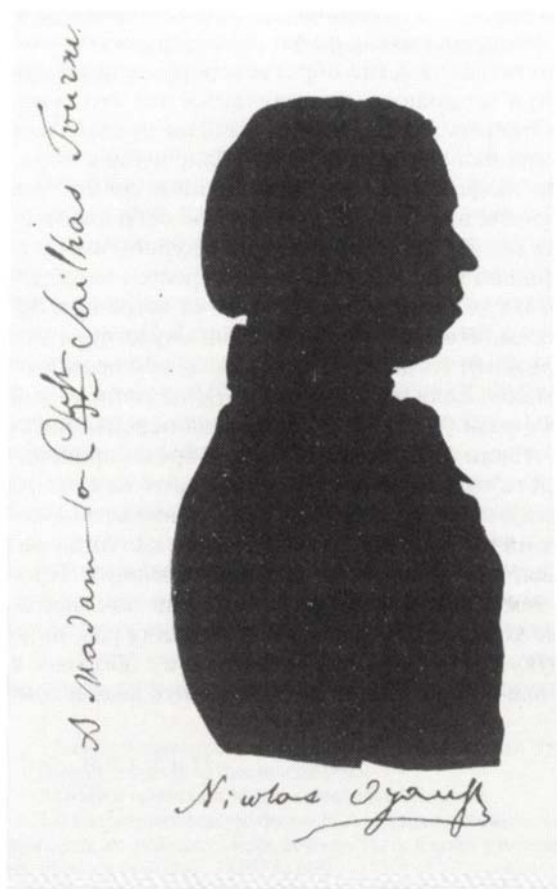
6

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о :

(Яхонтново. Конец октября н.ст. 1848 г.)¹

Как же начать мне, милый, тысячекратно милый друг? Мне столько надобно вам сказать, а между тем все написать невозможно! При получении вашего письма я обезумела от радости и печали. У меня было такое ощущение, будто Страстная неделя затягивается, а Пасха не наступает! Полная неуверенности, совершенно измученная, написала я несколько слов О(гареву)², который сумел тотчас же переслать мне ваше письмо. Так хорошо принятые в Москве вашими друзьями, мы все же готовились к отъезду в деревню для свидания с О(гаревым). На следующий день после нашего прибытия он поспешил к нам. Вид у него был довольный, но он преисполнен был грусти. Оставался пять дней, в течение которых у нас было несколько серьезных и проникнутых грустью разговоров. Не знаю, отчего это происходит, но, когда я его вижу, вы возникаете передо мной еще чаще, а воспоминание о вас становится еще живей, — вот почему мне порой приходилось говорить ему, что меня здесь удерживает только долг, но что ничего, кроме возможности увидеть Наташу Герцен^{7*}; как я в беседе люблю называть вас, — ничего не желала бы. И Огарев говорит мне с

^{7*} В подлиннике Наташу Герцен написано по-русски. — *Ред.*

ОГАРЕВ

Силуэт работы неизвестного художника (черная аппликация, тушь, карандаш). 1847 или 1848 г.

Написи рукой Огарева: внизу – "Nicolas Ogareff";
слева – "A Madame la Comtesse de Sailnas Tourme(mire)"
("Гр(афи)не де Салиас Турнемир").

Музей Герцена, Москва

истинно дружеским чувством: "Что мне с вами делать? Вам надо видаться с ними". Внезапно прибывает посыльный, возвещающий, что вот-вот в деревню друга прибудет г-жа Сальяс де Турнемир. Покидая нас, чтобы подготовить дом для своей кухни, он говорит нам, что привезет ее к нам и что это не помешает нам видаться; вслед за тем он пригласил нас навещать его, но мы отказались под предлогом, что дичимся. Итак, друг уехал, через три недели папá съездил повидаться с ним, кухня ему совсем не понравилась...³

Друг обещал приехать хоть на день, но не приехал, отправив мне письмо с сообщением, что кухня его опасно заболела и что на его долю выпало безотрадное развлечение – день и ночь "ходить за ней". Он добавил, что испытывает потребность видеть нас, но что более, чем когда-либо, неуверен насчет дня, когда сможет нас навестить⁴. Он сильно изменился; в нем чувствуется нечто строгое и грустное. Тем не менее, в память о вас и о вашем муже мы вдвоем выпили две бутылки шампанского. Кровь нам бросилась в голову, но все же мы проявили благоразумие, и потому на дно наших бокалов осело немало грусти...

Папá едет в Инсар для принятия рекрутов; он останется там целый месяц; без сомнения, в его отсутст-

вие друг не приедет. Из моего точного рассказа вы видите, что *история не повторяется* и что это сушая беда – не уметь жить в себе самой и для себя самой. Полагая, однако, что люди производят друг на друга некоторое магнетическое воздействие. Так, даже в отсутствии вы порой удерживаете меня от полнейшего отчаяния. Да, милый друг, вы, может быть, позабыли о счастливом своем на меня влиянии. Когда отчаянье, бешенство проникают в мое сердце и я приближаюсь к вашему портрету с упреком за то, что вы меня покинули, то смотрю на вас, и спокойный ваш взгляд, как мне кажется, обретает суровость, и тогда я падаю на колени, и плачу, и прошу прощения за то, что я так низка, так недостойна вашей любви.

Вы сможете делать все, что вам вздумается: никогда со мною не видаться, никогда не писать мне, – все равно, я навеки ваша, да, это вы управляете мною. О! простите, простите за то, что я так вам навязываюсь, но не сами ли вы потребовали, чтобы я более не оставалась в одиночестве? Вы знаете, что вы для меня, какой властью вы надо мной обладаете. Помните ли день, когда вы так недовольны были мною, когда разговор наш был столь оживлен, и вот именно этот день, вместо того, чтоб оставить по себе горькую память, теперь мне по-настоящему мил, ибо именно тогда, когда вы вышли из моей комнаты и я осталась одна, я поняла, что именно там, в

сердце, было нечто, надолго нас соединявшее... Вы, вероятно, улыбнулись бы, если бы я сказала вам все, что приходит мне в голову: иногда, по меньшей мере каждое воскресенье, я вижусь с вами. В другие дни мне иногда кажется, будто я одна приезжаю в П(ариж), вхожу в театр и будто, по меньшей мере, каждое воскресенье вижусь с вами. В другие дни о комедии и не помышляю, а просто желала бы быть там с вами.

Скажите мне, как поживает второй из братьев Б(оке), разрешат ли ему врачи пребывание на свежем воздухе или же он сидит дома?⁵ Что поделывает славный г. Рейхель? – передайте ему поклон от дурной ученицы, но доброго друга⁶. Когда будете писать Сп(ини), скажите ему, что о нем думают и что о нем говорят в отдаленнейшем уголке глубинной России, и что м-ль Наталина с нетерпением хотела бы узнать, бывает ли у него иногда время подумать о тех трех звездочках, которые мне так ласково улыбались в Неаполе, но совсем с той поры меня покинули?⁷

Страницу эту сохраните лишь для себя одной, только вы не станете надсмехаться надо мною, между тем как другие будут смотреть на меня, словно на поврежденную. Среди прочих не хочу забыть о г. Т(ургеневе), скажите ему, что вялая дружба мне не по душе; он обещал прислать мне свою комедию (при случае вы сможете выступить моим свидетелем); так вот, до сих пор никакой комедии я не получила; хорошо ли это, как по-вашему? Что же касается г-жи Эммы⁸, то явитесь перед нею моим толмачом, я напишу ей в другой раз, сегодня мне хочется быть только с вами. Скажите ей, что в ее присутствии я провела самые приятные минуты своей жизни, но не разъясняйте ей сокровенные причины этого, ибо (ее) заслуги в этом нет, – судьбе угодно было, чтоб она явилась свидетельницей моего счастья, вот и все. Но нет, скажите ей что-нибудь другое, скажите ей, что вздумается, в глубине души я к ней испытываю дружескую привязанность.

Милый и жестокий друг, берегитесь нового нарушения данного мне слова насчет портретов. Мне так хотелось бы видеть Сашу; я так люблю его, что в глубине души иногда путаю его с вами. Называйте ему иногда мое имя, мне очень больно было бы, если б он меня позабыл, но, как бы то ни было, нельзя не покориться этому: время делает свое дело...

Что же касается ваших московских друзей, то мне надобно сказать вам все, что я о них подумала: двое из них мне не только понравились, но даже оставили во мне сожаление о невозможности видеться; и прежде всего – Кавелин; не скажу вам, что мне в нем нравится, ибо в этом нет необходимости; вы его знаете; второй – г. Астраков⁹. Я вовсе не заметила в нем нелюдимости, о которой вы мне говорили; он был любезен, но оригинальным образом. Вечером, накануне нашего отъезда, он пришел вместе с г. Г(рановским) попрощаться с папá. Но поскольку сей последний торопился уехать, то Астраков встал и поспешил за ним; я присоединилась к обоим в зале и стала резко его упрекать, как обычно делают, когда хотят кого-нибудь удержать. Он с величайшим простодушием сказал мне, что весьма непрочь бы остаться, но что ему неловко идти назад, так как он со всеми уже распрощался. Тогда я со смехом заставила его пройти через другую дверь в кабинет папá и обещала ему, что, когда туда зайдет дедушка¹⁰, представить его, Астракова, как собственного своего младшего брата. Мы посмеялись, и он остался; покидая нас, он даже проявил редкую сердечность; мне страшно нравятся такого рода характеры.

Что же касается г. Кор(ша) и г. Г(рановского), а также г. С(атина?) и Кет(чера), то я обменялась с ними лишь несколькими словами, знакомство же мы отложили до другого приезда. Г-жа Аст(ракова) нравится мне потому, что она вас любит; г-жу Грановскую видела я только раз, мне она не понравилась; с ней мы не разговаривали, вступать с ней в беседу я избегала. Я слушала, как она обо всем судит, преисполненная безграничного спокойствия; манеры ее показались мне чрезмерно томными, они походили больше на нарочитую небрежность, нежели на болезненную слабость. М(арья) Ф(едоровна) заметила, что сия дама мне не понравилась: кажется, это огорчило ее. Мы познакомились с ее невесткой¹¹, которая была добра и любезна, и с ее племянниками – они поистине очаровательны. У старшего, хоть и довольно некра-

сивого, такое умное лицо, что он даже кажется хорошеньким¹²; второй же красавец-ребенок в полном смысле этого слова¹³.

С той поры, как мы обосновались в деревне, я дважды писала М(арье) Ф(едоровне) – вначале потому, что мне хотелось получить от вас известия, затем потому, что я благодарна ей за ее старания поддерживать меня во время этой мучительной поездки. Что касается меня, то я оказывала ей чисто материальную помощь, и, вдобавок, она говорила мне о вас. Я была, как ребенок, я лишена была чувства собственного достоинства; нередко возникала у меня потребность плакать и говорить о вас. По временам я отказывалась от еды, Марья Федоровна умело меня успокаивала и делала это, проявляя такое терпение, что в него непременно должна была входить немалая толика жалости, если не любви. И все же в Петербурге между нами состоялся бурный разговор, но затем все прошло. Не стану писать вам, о чем тогда шла речь¹⁴; когда же мы с вами увидимся, то все это, надеюсь, уже будет совсем позабыто...

Не пишу вам длинно, милый мой г. Герцен, потому что не хочу наводить на вас скуку. Только что получила я письмо от м-ль Мишель¹⁵, которая осталась у дедушки для переговоров. Она сообщает мне, что условилась насчет поступления в другую семью. Называйте меня трусихой или поврежденной, но эта новость причинила мне боль. – Письмо ее так грустно, – это не притворство, славный мой Герцен, мой несравненный друг, – мы были излишне жестки с нею; когда-нибудь и вы скажете то же. Нынешняя новость потрясла меня; вдобавок, мы не можем ссудить ей денег, ибо здесь нет ничего, кроме голода и отчаянья¹⁶. Тысячу раз целую вас за список книг. Мы прочли, приехав сюда, Бомарше и “Манон Леско”¹⁷. Помочь нам мы попросили Огарева; сейчас ему невозможно отлучиться, и не исключено, что продлится это долго, ибо кузина его больна чахоткой¹⁸. Мы ни с кем не видимся; все наше удовольствие – удовольствие, смешанное со слезами, – это думать о вас обоих, перечитывать ваши письма. Но что заставляет меня страдать вдвойне, – так это упадок духа, в котором вы находитесь, дорогой друг; все сдвинулось с места, это верно, но вы, столь хорошо знающий ход событий, как можете вы не надеяться? Коли нет надежды, то нет и жизни, а вы, друг, живите, вы должны жить. О, если бы мне только выпало счастье увидеть хоть одну строку, начертанную вами во время этой ужаснейшей тоски, причиняющей мне боль!¹⁹

Почему вы меня упрекаете за мой проект, расстроенный вами, который мог погубить вас, лишить жизни?²⁰ Не знаю, чем объяснить это, но люблю вас любовью истинной и в то же время проникнутой дружеским чувством! Чья в том вина? Как ни грустно это, но я вынуждена сказать “прощайте”. Позвольте мне осыпать поцелуями ваши глаза, ваши руки. Тысячу раз целую это письмо – примите же мои поцелуи, моя милая, мой друг, это мое последнее “прости-прощай”.

Если он²¹ отказался понимать меня, то, по крайней мере, моя дорогая, я уверена, вы-то меня поймете. М-ль Мишель, помещенная в чужую семью, неизбежно подвергнет нас вечным угрызениям совести. У меня такое ощущение, что посредством всех наших действий являюсь лишь горе и отчаянье! Ах! если бы только могла я поговорить с вами. Но это неосуществимо; быть может, мне и не следует долго с вами разговаривать; разъясните же мне, что такое терпение, резиньяция – для меня это состояние оупения, боли, это бешенство. Я забываюсь, я говорю вам все^{8*}, но вы будете любить меня, я твоя stella di mia alma^{9*}.

Перечитала ваше письмо и впала в еще большее отчаянье! ибо чувствую, что надежды мои разбиваются о невозможное – воля моя – о мою волю. Во мне живут два существа: первое из них жаждет лишь одного: видеть вас; другое, не принимающее в расчет долга, продолжает следовать по проторенным путям.

Я прониклась радостным чувством, узнав, что вы отнеслись к Т(ургеневу) с большей теплотой²². Холодность его была для меня чрезвычайно огорчительна, ибо

8* Слово читается предположительно. – Ред.

9* звезда души моей (исп.).

я вас не обвиняю, вы были снисходительны. Позднее мое расположение к нему сближало нас, вопреки его воле. – А когда в один прекрасный день вы расскажете мне о своей задушевной беседе с ним, вы увидите меня такой счастливой, какой только можно быть при полной невозможности встречаться с вами. Вы просите у меня вестей насчет школы – дело понемногу подвигается. Через неделю после нашего приезда мы стали ежедневно с ними читать. Десять^{10*} наших школьниц читают сносно, но по складам. Они милы, мы их развиваем, они читают песни Кольцова и стихи Некрасова²³.

Еще одно слово. Раскройте мне в полной мере тайну жизни! скажите, зачем надо жить? не во имя же долга? не для пользы же, не для удовольствия, поскольку в мире нет ничего, кроме страдания; не для дружбы же, поскольку с таким трудом удается поддерживать между собой общение?..

Как грустно мне запечатывать это письмо, мне так хотелось бы вдохнуть в него жизнь, пропитать его любовью. Каково же мне думать, что, дойдя до вас, оно превратится всего лишь в клочок бумаги, такой холодный, такой бессмысленный!²⁴...

¹ Ответ на письмо Н.А. Герцен от 17 октября с припиской Герцена (РП I, 248–251; ср. XXIII, 107–108, 374–375; *Пасек* II, 521–523). Отсюда и приблизительная датировка письма.

² Это письмо неизвестно.

³ Е.В. Сальяс де Турнемир приехала в Старое Акшено 30 сентября (см. *Звенья* I, 143). 7/19 октября Огарев сообщал о ней Т.Н. Грановскому: “Сегодня неделя, как она у меня – и я не заметил, как успела пройти эта неделя. Не думай, саго, чтоб я не знал, что на мне лежит обязанность, что я не свободен, но с радостью отдаю ту долю моей свободы, которая была своеволие, для того, чтоб видеть ее спокойною и довольною, и для того, чтоб чувствовать в моей жизни участие и заботливость, которые может принести только женщина. И какая женщина, Грановский! ты еще ее не знаешь! – Мир, в котором она жила, не испортил ее; горе не убило ее душевного жара, и ты всегда ей с полной симпатией протянешь руку. Дай обнять тебя, Грановский! Принимаю благословение дружбы и чувствую в себе настолько полноты и силы, чтоб вести мою судьбу – изящно. Не могу продолжать, потому что слишком полно сердце” (там же, 142). Герценам же он писал: “На днях ко мне приехали гости: графин(я) Сальяс. Ее заботливость о моем существовании делает для меня жизнь счастливою (...) Ее приезд на некоторое время заставил меня забыть милых соседей, а отец их озабочен службой, и потому ровно 2 недели, как мы не виделись (...) Я намерен увидеться с ними вскоре и вытребовать, чтоб их часто отпускали ко мне petit-à-petit вытребовать, чтоб их отпустили к вам. Я к ним имею какую-то родительскую нежность, т.е. к Natalie, которая славное существо” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 775–776).

⁴ Это письмо Огарева до нас не дошло.

⁵ Парижский приятель Герцена и учитель Саши Ж.-Б. Боке, видный участник революции 1848 г., был арестован еще во время пребывания Тучковых во Франции и посажен в тюрьму Консьержери, откуда он был выпущен осенью того же 1848 г. (позднее эмигрировал в Англию). Его брат Камилл, опасаясь ареста, скрывался в провинции. 17 октября Н.А. Герцен сообщила Нат., Ал. о “старшем Боке”: “Вы знаете, что он выздоровел” т.е. вышел из тюрьмы (РП I, 249).

⁶ Нат. Ал. брала в это время у А. Рейхеля уроки музыки.

⁷ См. прим. 5 к п. 2.

⁸ Эмма Гервег.

⁹ С.И. Астраков.

¹⁰ Генерал-майор А.А. Тучков.

¹¹ Вероятно, Софья Карловна, жена Е.Ф. Корша.

¹² По-видимому, Женя Корш, сын Е.Ф. и С.К. Коршей.

¹³ Вероятно, Саша Корш, младший их сын.

¹⁴ Вероятно, разговор шел о Н.А. Герцен, которую М.Ф. Корш явно недолго любила (о их взаимоотношениях см. ниже, в позднейших письмах Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой).

¹⁵ Это письмо Каролины Мишель неизвестно.

¹⁶ И Герцен, и Огарев, и Н.А. Герцен терпеть не могли К. Мишель. Судя по мимолетному упоминанию в одном из писем Герцена (см. XXIII, 156), можно предположить, что она подозревалась в слишком тесных контактах с А.А. Тучковым и что именно поэтому так проявлялась недоброжелательность Герцена и Огарева. Не исключено, что именно потому и были приняты меры против возвращения Мишель к Тучковым. В моих мемуарах Нат. Ал. сообщила впоследствии, что ее бывшей гувернантке из-за паспортных строгостей не разрешили въехать в Петербург и что ей пришлось ждать решения в Кронштадте. “Она плакала, опасаясь, что ее вовсе не пустят (...) Мой отец хлопотал о ней в Петербурге, и через несколько дней ей был разрешен въезд в Россию, но, кажется, года через два она была вынуждена принять русское подданство, во избежание высылки из пределов России” (*Тучкова-Огарева*, 69). После Тучковых

^{10*} Слово десять читается в автографе без полной уверенности, т.к. бумага на этом месте прорвана. – Ред.

Мишель воспитывала детей у княгини Трубецкой, жившей во Флоренции (там же, 228). “Одна вещь меня тревожит, – писал Огарев сестрам Тучковым: – Нет ли у m-lle Michel намерения вернуться? При одной мысли об этом я содрогнулся” (РП IV, 12; ср. РП I, 250).

¹⁷ В письме к сестрам Тучковым от 17/5 октября Герцен рекомендовал им для чтения ряд книг, советуя при этом в случае необходимости обращаться за объяснениями к Огареву (наряду с другими книгами в списке фигурировали “Манон Леско” аббата Прево и комедии Бомарше (см. XXIII, 107–108). Ср. в одном из недатированных писем Огарева к сестрам Тучковым: “Скажите мне, какие книги советует вам прочесть Г(ерцен). Может быть, я бы мог что-нибудь прибавить к этому списку. Я недостаточно хорошо знаю одну вещь: каково направление вашего ума? какие предметы привлекают вашу любознательность?..” (РП IV, 14–15).

¹⁸ “Я постараюсь как только можно ускорить нашу встречу, – обещал Огарев в том же письме. – Право, мне безгранично хочется вас видеть, и я безгранично грущу, что обстоятельства нас разлучают(...) Г-жа Салиас, наконец, уже 2 дня чувствует себя хорошо, и я надеюсь, что вскоре смогу навестить вас, что и она желает сделать...” (там же, 14).

¹⁹ По-видимому, отклик на след. строки Н.А. Герцен, вызванные усилением реакции во Франции: “Старое здание все приближается более и более к разрушению, искусственные подпорки не долго поддержат его; камни падают вокруг, иные совсем превратились в песок и сыпятся... Не только жить, даже участвовать в создании нового нам не удастся, ну хоть помогать разрушению старого!..” (РП I, 251).

²⁰ О каком проекте идет здесь речь – неясно.

²¹ Подразумевается Герцен.

²² Н.А. Герцен писала Нат. Ал.: “Тургенев тебе кланяется, он у нас всякий день; мы с ним познакомились больше, я привыкла к нему – талант его развивается все больше и больше. Он тебя помнит и любит; комедия его скоро будет напечатана” (Пасек II, 525).

²³ “Сорок девушек учились у нас по воскресеньям читать, писать и арифметике по ланкастерской системе” (Тучкова-Огарева, 314)

²⁴ Ответом Н.А. Герцен, вероятно, является длинное и содержательное письмо от 21 декабря (см. РП I, 254–257).

7

Перевод с французского:

(Петербург. Весна 1849 г.)¹

Пишу вам наскоро, друг мой, хочу лишь сказать вам, насколько трудно наше положение. Нам необходимо оформить наш брак; иначе, как сказал папá, жизнь для него станет невыносимой, а между тем для нас это теперь стало невозможным; не знаю, что мы будем делать, ибо принести эту жертву нам стало теперь невозможно². Пока же мы остаемся в Петербурге, но нас всячески стараются притеснять, рассчитывая тем самым отчуждить друг от друга, но, по правде говоря, сей способ действовать меня лишь подстрекает. Лишение свободы для меня всегда было невыносимо, теперь же больше, чем когда-либо. Если можете поторопить г-жу Огареву, сделайте это поскорей, ведь вы знаете, вы понимаете, друзья: бывают положения, которые долго длиться не могут... Не буду писать вам больше, вчера у нас были неприятности, а сегодня я зла и разбита от усталости; когда же мы будем у вас, то обо всем этом вам расскажем³.

Спасибо за портреты детей; их нам совсем недавно передали в Москве; я очень рада была вновь увидеть Сашу, поцелуйте его за меня, так же, как Тату, и пожмите руку своему мужу.

Целую твои глаза, моя Наташа, как хотелось бы мне быть с вами и с Огаревым! Приеду, чтобы присоединиться к вам; я желала бы отправиться ins Freie dahin...^{11*}

¹ Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма: Огарев и Нат. Ал. приехали в Петербург 21 февраля/5 марта 1849 г.

² Совместная жизнь без оформления брака сильно осложняла положение Нат. Ал. и Огарева. А.А. Тучков, приходя в отчаяние от сложившейся ситуации, настаивал на вторичном венчании (при живой жене), но Нат. Ал. решительно от этого отказывалась, справедливо опасаясь суровой кары для Огарева: как двоеженца его могли сослать в Сибирь или на Соловки.

³ О продолжительных, но неудавшихся переговорах Герценов и их друзей с женой Огарева Марьей Львовной насчет развода см. подробно в письмах Герцена и Н.А. Герцен (XXIII, 130–131; РП I, 264–265 и “Лит. наследство”, т. 61, с. 786–787). Не дождавшись благоприятного исхода дела и утратив всякую надежду, Огарев и Нат. Ал. отправились в Крым. Они рассчитывали тайно уехать оттуда за границу и присоединиться к Герценам, но и это не удалось, вследствие усиления пограничного надзора.

^{11*} туда, в свободное далёко (нем.).

(Яхонтово. Конец ноября (?) 1849 г.)¹

Как мне хочется еще вам писать, моя Натали! – Скажите, отчего вы говорите, что Георг на меня похож, и зачем вы думаете, что я ревнива²: я спросила об этом О(гарева), он говорит, что еще не заметил; меня это преследует, я не хочу быть ревнивой, это противно, это зависть. – Пожалуста, успокойте меня на этот щет; скажите мне, ведь вы никогда не были ревнивы? – Мне трудно отвечать на ваш вопрос, *хорошо ли я жила*, да и нет. Я не знаю, мог ли кто быть счастливее, чем я, в моих отношениях с О(гаревым), но мне мешали жить то мысль об отце³, которого надо было не щадить для своего счастья, да страх за О(гарева), – но все-таки в Кр(ыму) мы иногда забывались и были бесконечно счастливы и свободны, а здесь как-то все мелко, мелко. – Ах, вот еще упрек, моя Натали, зачем вы говорите в прошедшем письме, что вы бы хотели быть со мной, когда я была больна, но не уверены, желала ли бы я этого⁴; спросите О(гарева), он вам скажет, как я хотела к вам, как вы мне нужны были...

Не надо в этих вещах себя обманывать, надо смело определить свои отношения с людьми, и тем хуже, если больно слышать правду. Я долго колебалась, мне страшно было видеть разницу, но она бросалась в глаза; не говорите об этом никому, моя Натали, я только вам да О(гареву) могу в этом признаться, мне больно при других раскрывать свою рану. Да, мне нелегко было понять, что сделалось с нашей двадцатилетней дружбой; впрочем, я дурно выразилась, эта перемена произошла не столько из частных разговоров, как из высокой общей идеи. Н(éлёне) противоречит своим прежним правилам, а я ее слишком люблю, чтоб это допустить хладнокровно; но, может быть, это произойдет, теперь ее самолюбие очень раздражено⁵.

Прощайте, моя Натали, обнимаю вас крепко, и вас тоже, Г(ерцен)^{12*}. Огарев едет на фабрику, я все укладываю.

Ваша Н а т а л и

Про Н(éлёне) скажу вам только, что мы в Париже ближе были; она как-то взошла в колею замужних женщин, и во многом мы нынче расходимся; сначала я могла с этим примириться, хотела по-прежнему резко сказать мою мысль, меня пугало что-то чужое, которое укрепляется между нами, но все вело только к холодности, и я махнула рукой⁶.

Что Коля? я не поняла, выучился ли он говорить или слышит он? пожалуста, напишите.

¹ Ответ на письмо Н.А. Герцен от 13/1 ноября, печатаемое в книге 1-й наст. тома – раздел “Н.А. Герцен (Захарьина)”.

² Отклик на следующую реплику Н.А. Герцен о Г. Гервеге: “Георг похож на тебя; зол, несносен и ревнив, как ты”.

³ Еще раньше Н.А. Герцен писала Натали по поводу А.А. Тучкова, мучительно переживавшего “незаконное сожительство” своей дочери с Огаревым: “Ведь мне жаль и Ал. Ал. ужасно, я хотела б устроить так, чтоб и ему было хорошо, хотела б, и не пожертвовала бы этому желанию даже тенью вашего счастья (...) Бедный папá, зачем же он не больше тверд, зачем ум его не больше ясен?” (РП I, 266).

⁴ Имеется в виду письмо Н.А. Герцен от 24 января 1849 г. Узнав о ее сближении с Огаревым, Наталья Александровна замечала: “Я пишу тебе и думаю: может, теперь тебе не нужно меня, так тем лучше. Ты все-таки остаешься самая близкая мне женщина; останавливаясь на тебе, я юнее, живее, свободнее и спокойнее (...) Впрочем, мне больно будет, когда ты перестанешь меня любить, я опять буду сиротой между женщинами...” (РП I, 261).

⁵ Сближение Натали с Огаревым вызвало заметную перемену в отношениях между сестрами Тучковыми: их тесная дружба дала заметную трещину. Возможно, что Елена также была влюблена в Огарева (см. ее приписку к п. 4). Позднее, выйдя замуж за Н.М. Сатина, она целиком отдалась семейным и бытовым интересам, и Натали почувствовала, что лишилась ближайшего друга. Во время своего второго продолжительного пребывания за рубежом она, позабыв или же сознательно игнорируя это обстоятельство, продолжала письменно делиться с сестрой сокровенными мыслями и мучительными переживаниями, но этих писем к ней не отсылала.

⁶ В письме, на которое отвечает Нат. Ал., жена Герцена замечала: “Об Н(éлёне) я говорила всегда, что при малейшей перемене жизнь ее пойдет, как по маслу”. После своего замужества Елена Алексеевна стала производить неприятное впечатление и на Огарева (см. “Лит. наследство”, т. 61, с. 795).

^{12*} В автографе оставлена только первая буква фамилии, а вся остальная часть ее зачеркнута. – Ред.

ТУЧКОВА И ОГАРЕВ

(Яхонтово. Март или апрель 1851 г.)¹

Вот, друзья, и весна пришла, у вас она лучше, я знаю, но и здесь она сидьно потрясает! Радуетесь не знаю чему и грустно, что нет близких, и рвешься к ним, а свиданье все еще вдалеке, как мираж, поминутно отдаляется по разным причинам.

Что же делать, скажите? Годы проходят; я боюсь, чтобы они многого не унесли с собой. Письмо, в котором я писала, сколько меня обрадовал присланный вами вид, не дошло до вас², но помня, моя Н(аташа), что этот рисунок – большое утешение для меня. Я взяла все меры, чтоб он не стерся, пока я жива, – и, кажется, успею в этом.

О(гарев) спит; как проснется, еще напишу.

Еще я имею здесь большое наслаждение. Два мальчика, хотя их черты грубее, однако сильно напоминают моего милого С(ашу). Паж и ее муж тоже это заметили. Паж очень счастлив, у него Тата и Леля³, и он ими исключительно занимается с утра до вечера. Сегодня мы к ним едем, потому что дети и наша старая нянюшка⁴ расхворались, а дороги такие, что счастлив, что жив останешься.

Ну, прощайте, друзья. Крепко, крепко вас обнимаю, и вас, и детей; дай руку, N(atalie), пиши; не отнимай хоть этого у нас!

Пишу под диктант: *Дела приковывают меня к месту. Отношения с людьми всё натянутые. Когда распутаются первые, то, конечно, о последних не пожалеется. Часто думается о вас, и сильная необходимость видеть вас мучит. Когда-то все это кончится и вы приедете к нам? Не знаю! Но долго продолжаться не может. Обнимаю вас крепко*^{13*}.

Ты просила книг, я припоминала, какие с тобой, из новых же у нас мало: посылаю к М.К.⁵ комедию Остр(овского). Она сделала большой шум своим появлением, но, читав (?), знаю, что он так, кажется, пройдет⁶.

¹ Основания для датировки: упоминание о двоих детях Е.А. Сатиной ("пажа") свидетельствует о том, что письмо писалось не ранее 1851 г.; к весне же 1852 г. в переписке Нат. Ал. с Герценами фигурировали уже иные сюжеты: гибель Л.И. Гааг и Коли Герцена, болезнь Н.А. Герцен (см. РП IV, 127–128).

² Это письмо неизвестно.

³ Речь идет о старшей дочери Е.А. и Н.М. Сатиных – Тате (род. в 1850 г.) и сыне Алексее (род. в 1851 г.).

⁴ У Сатиных в Старом Акишене жила старушка-няня сестер Тучковых – Фекла Егоровна.

⁵ Через М.К. Рейхель, жившую в Париже, шла переписка Огарева и Нат. Ал. с Герценами.

⁶ Комедия "Свои люди – сочтемся", напечатанная в "Москвитянине" (1850, № 6, март).

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ

(с включением писем и приписок Герцена и Огарева)

Статья и публикация И.А. Желваковой

"Литературное наследство" не впервые обращается к публикации эпистолярных материалов, относящихся к многолетним дружеским связям семьи Астраковых с семьями Герцена и Огарева.

Такие материалы впервые появились в т. 62, где помещены письма С.И. и Т.А. Астраковых к Герцену и Огареву (публикация Е.Л. Рудницкой). В следующем, 63-м томе напечатаны относящиеся к Герцену фрагменты из воспоминаний Астраковой (публикация А.Н. Дубовикова). Наконец, в т. 64 выборочно напечатана часть писем Герцена и его жены к Астраковым (публикация Е.Л. Рудницкой при участии Л.Р. Ланского). Открывает эту последнюю публикацию письмо Герцена, обращенное к Н.И. Астракову, с датой 11 февраля 1832 г. – первое из известных до сих пор документов всей эпистолярной герценианы (см. XXI, 7).

Именно с Николая Ивановича Астракова, университетского товарища Герцена и Огаре-

^{13*} На этом текст, продиктованный Огаревым, заканчивается. – Ред.